

МЕТАФИЗИКА НЕ УМИРАЕТ (ХАЙДЕГГЕР И ЕГО ЗАЩИТА МЕТАФИЗИКИ)

В.В. Миронов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: vlamironov@yandex.ru

Аннотация. В статье автор исследует понятие метафизики и метафизического мышления сквозь призму новых материалов, так называемых «Черных тетрадей» М. Хайдеггера. Показывается, что метафизический подход в философии был необходим в условиях зарождения философии. В этот период единственным средством объяснения мира оставался разум, причем разум, замкнутый на индивидуальное человеческое мышление. Метафизика изначально возникает как особый способ рефлексии за пределами опытного знания. Философии приходится постоянно «оправдываться» за такой подход, однако на самом деле он является существенной особенностью философского мышления. Как бы ни развивались науки и как бы ни рос объём конкретно-научных данных, в философии «надпредметность» будет присутствовать всегда. Автор анализирует сходство и различие позиций И. Канта и М. Хайдеггера по вопросу трактовки метафизики, в то же время показывая, что, по сути, они в разных социокультурных ситуациях говорят о необходимости метафизики в философии. Специально рассматриваются некоторые идеи Хайдеггера относительно трактовки метафизики, которые им излагаются в «Черных тетрадях», где еще раз обосновывается идея, что никакие философские проблемы нельзя рассматривать в отрыве от их метафизического и онтологического обоснования.

Ключевые слова: метафизика, философия, онтология, теория познания, И. Кант, М. Хайдеггер, «Черные тетради».

Благодарности: Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Для цитирования: Миронов В. В. Метафизика не умирает (Хайдеггер и его защита метафизики) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 84–98. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-84.

METAPHYSICS DOESN'T DIE (HEIDEGGER AND HIS PROTECTION OF METAPHYSICS)

V.V. Mironov

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

e-mail: vlamironov@yandex.ru

Abstract. In the article, the author explores the concept of metaphysics and metaphysical thinking through the prism of new materials, the so-called “Black Notebooks” by M. Heidegger. It is shown that the metaphysical approach in philosophy was necessary in the conditions of the origin of philosophy. During this period, the only means of explaining the world remained the mind, and the mind, closed to the individual human thinking. Metaphysics initially arises as a special way of philosophical reflection outside of experienced knowledge. Philosophy has to constantly “justify itself” for such an approach, but in reality it is an essential feature of philosophical thinking. No matter how much science develops and no matter how much the volume of concrete scientific data grows, in the philosophy of “over-subject matter” will always be present. The author analyzes the similarities and differences in the positions of I. Kant and M. Heidegger on the interpretation of metaphysics, at the same time showing that, in fact, they in different sociocultural situations speak of the need for metaphysics in philosophy. Some ideas of Heidegger concerning the interpretation of metaphysics, which they set forth in the Black Notebooks, where the idea is once again substantiated that no philosophical problems can be considered apart from their metaphysical and ontological justification, are specifically considered.

Keywords: metaphysics, philosophy, ontology, theory of knowledge, I. Kant, M. Heidegger, «Black Notebooks».

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the activities of the leading scientific school of Moscow State University named after M.V. Lomonosov «Transformation of culture, society and history: philosophical and theoretical understanding».

Cite as: Mironov, V.V. (2019) [Metaphysics doesn't die (Heidegger and his protection of metaphysics)]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 84–98. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-84.

Проблема понимания метафизической сущности философии всегда была и остается одной из центральных, относясь к так называемым «вечным» проблемам. Метафизический подход был неизбежен с момента возникновения философии, которая изначально представляла собой протознание, профилософию¹, то есть некую систему, в которой совмещались положительные знания человека о мире (о научности в современном смысле здесь еще нельзя было сказать) и спектр мировоззренческих вопросов, связанных с пониманием места человека в мире, целей и проблем его существования.

Карл Ясперс связывает период возникновения философии с формированием современного, то есть философствующего человека, который «осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения»² [1]. Человек мог задавать любые вопросы о сущности бытия и мира и отвечать на них, не выходя за рамки собственного сознания и в отсутствии форм проверяемости тех или иных положений. Соответственно, единственным средством объяснения мира оставался разум, причем разум, замкнутый на индивидуальное человеческое мышление, результатом чего выступали мыслительные спекуляции. Именно это уловил Сократ в своей известной фразе: «Я знаю только то, что ничего не знаю»³ [2], глубина которой пронизывает все развитие философии и означает, что философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершённого знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые, в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований

бытия, и выступает как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом.

Это означает, что метафизика изначально возникает как отражение работы мышления в смысловом пространстве, по сути, неразвитого доопытного знания и в ситуации отсутствия развитых критериев установления истины: она формируется как особый способ философской рефлексии за пределами опытного знания – на основании «чистого» мышления. А уж затем оказывается, что такого рода философская рефлексия необходима, но работает в иной познавательной ситуации, в том числе и тогда, когда уже будут развиты науки и научные методы познания, так как предельные вопросы о бытии остаются и никогда не могут быть полностью вытесненными вариантами научных ответов. Такая настроенность философии на метафизическое рассуждение (от момента возникновения до наших времён) всегда порождала её критику как спекулятивного способа познания мира, оторванного от реальности и реальных проблем. На протяжении всей истории над философией висел «дамоклов меч» необходимости самооправдания: спекулятивное познание бытия возможно и даже необходимо, – тогда как науки, замкнувшись в рамках собственной предметности, в этом не нуждались⁴ [3].

Таким образом, метафизика – это особый тип предельного постижения бытия, а философия – это метафизическое знание, в отличие от частнонаучного. Даже отрицание такого типа знания может осуществляться лишь в смысловом пространстве метафизики, ибо оно не может быть опредмеченным и сведенным к одной из сфер бытия, что во многом реализуется в науках. В последних, предметность базируется на выделении (и неизбежном при этом огрублении) отдельных свойств исследуемого объекта при одновременном абстрагировании от всех иных, присущих данному объекту. Например, я могу трактовать человека как совокупность рычагов с позиции механики, и этого может быть достаточно, например, для построения инвалидной коляски (более того, здесь лучше меньше философствовать), но при этом понятно, что сущность человека вовсе не сводима к совокупности рычагов или совокупности каких-то других свойств (биологических, физических или социальных). Поэтому предметность философии совершенно иного рода. Предметом здесь выступает мир в целом, бытие как таковое (включая надприродную сущность, размышления над которой Аристотель назвал теологией).

В конкретных науках, как мы отметили, истина соответствует собственной предметной области, яв-

¹ «... художественно-мифолого-религиозный мировоззренческий комплекс, с одной стороны, и реальные знания и умения, с другой, и составили профилософию. В самом широком смысле слова профилософия – совокупность развитой мифологии (плод воображения) и зачатков, необходимых для жизнеобеспечения знаний (плод деятельности рассудка).

Такая профилософия – в своей сущности дофилософская парафилософия–парафилософия без философии. Конечно, о парафилософии можно говорить лишь тогда, когда образовалась философия. Тогда философия – ядро. А парафилософия – скорлупа. Тогда философия – Солнце. А парафилософия – солнечная корона.

Но если ядра нет, то парафилософия – лишь туманность, в которой еще предстоит зародиться звезде.

В более узком смысле слова профилософия – то, что и в мифологии, и в начатках наук непосредственно послужило генезису философии». (А.Н. Чанышев. Философия Древнего мира. М. Высшая школа. 1999 г. – 703 с. С. 19)

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Карл Ясперс. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 32-33.

³ «На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я коли ничего не знаю, то и не воображаю, будто знаю». Платон. Апология Сократа // Платон. Избранные диалоги. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. – С. 280.

⁴ Доброхотов А.Л. Возвращение метафизики, или какие действительные успехи сделала метафизика со времён Парменида // Александр Доброхотов. Избранное. «Территория будущего». – М., 2008. – С. 199–214.

ляется «опредмеченной». Это в буквальном смысле упрощает (огрубляет) познавательную ситуацию, ибо то, например, что не поддается такому упрощению, просто может отвергаться в качестве возможного объекта исследования.

Как бы ни развивались науки и как бы ни рос объём конкретно-научных данных, в философии эта «надпредметность» или «внепредметность» будет присутствовать всегда. Образно говоря, философы так и не стали примерять «предметные очки», а когда пытаются это делать, то оказываются на скользком пути, либо произнося банальности с позиции представителей той или иной науки, чьи очки они надевают, либо возводя некую предметную область на вершину философии. Так было с дарвиновской теорией, когда в рамках социал-дарвинизма ею пытались объяснять общество, так было с психоанализом, когда его превращали в универсальный принцип истолкования культуры. Так происходит и сегодня, когда в качестве «предметных очков» могут выступать сами по себе очень интересные идеи, которые, однако, абсолютизируются – обретают статус некой модной и решающей все проблемы методологии. Так, например, именно иногда трактуется «принцип ирредукции» Бруно Латура, который, по сути, показывает лишь ограниченность использования редукции, что в истории философии обсуждалось достаточно широко. Схожая ситуация характерна и для обсуждения моделей «плоских онтологий», часто в таком духе, как будто проблема множества онтологий в философии никогда не ставилась, хотя ее остро поставил уже Н. Гартман и в определенном смысле даже Ф. Энгельс в его непопулярной ныне классификации форм движения материи.

Таким же очередным «философским камнем» выступают попытки объяснить человеческое сознание с помощью только новейших достижений психофизиологии, новых возможностей виртуального изучения мозга, когда говорят чуть ли не о перевороте в гносеологии. Как отмечает Маркус Габриэль, «мы можем визуализировать живой мозг посредством созданной компьютером (но не напрямую!) модели, не вмешиваясь тотально в сам орган. Однако в данном случае медицинский прогресс связывают с далеко идущим обещанием *сделать мышление видимым*. И это обещание нельзя выполнить. Выражаясь точнее, это полная ерунда... Если под «мышлением» понимать сознательное обладание мыслями, оно включает гораздо больше, чем просто мозговые процессы, которые можно сделать видимыми посредством медицинских способов визуализации»⁵.

Увлеченность такими новейшими исследованиями понятна и даже естественна, но одновремен-

но, необходимо понимать, что философ смотрит на мир внутренним, мыслительным взором, который, конечно, должен учитывать достижения, которые происходят в науке, но, одновременно, оставаться внутри «чистой рефлексии». В этом плане мысль Аристотеля о том, что философия предшествует научному знанию, выступая как «*prōte philosophia*» (протофилософия или первофилософия), фиксирует существенную специфику философии, которая не может быть лишь неким обобщением научных данных.

Именно в силу вышесказанного со спецификой философии как формы метафизического знания была связана и необходимость постоянного её «самооправдания» относительно самой возможности осуществления познания на предельном уровне, который невозможен в рамках конкретно-научного «опредмеченного» познания. Философ вынужден доказывать, что его мыслительные спекуляции относительно той области, где они необходимы, также могут давать истинное описание бытия. А это порождает необходимость признания высокой роли самокритики как особого рефлексивного механизма, дающего возможность приближения к истине. Это, конечно, не означает самокритики личностной, то есть критики своих собственных концепций. Речь идет о допустимости и даже необходимости критики любой философской системы в принципе. Даже Гегель, который неоднократно отмечал, что его система является полным и завершенным описанием бытия, и вряд страдал самокритичностью, тем не менее, обращает на это внимание. Так, он пишет: «Бывает, правда, что выступает новое философское учение, утверждающее, что другие системы совершенно не годятся; и при этом каждое философское учение выступает с притязанием, что им не только опровергнуты предшествующие, но и устранены их недостатки, и теперь, наконец, найдено истинное учение. Но, согласно прежнему опыту, оказывается, что к таким философским системам также применимы другие слова Писания, которые апостол Петр сказал Ананию: “Смотри, ноги тех, которые тебя вынесут, стоят уже за дверьми”. “Смотри, система философии, которая опровергнет и вытеснит твою, не заставит себя долго ждать; она не преминет явиться так же, как она не преминула появиться после всех других философских систем»⁶ [4]. Претензия на абсолютную истину всегда остается в философии лишь мнением, которое может весьма далеко отстоять от истины.

Можно сказать, что самокритика является одной из существенных сторон философского знания. Ведь здесь не существует «простых» критериев для решения предельных вопросов. Поэтому в основе философского мышления лежит сомнение, которое часто выступает «актом коллективного

⁵ Markus Gabriel. Ich ist nicht Gehirn. Philosophie des Geistes für das 21. Jahrhundert. Ullstein Buchverlage GmbH. – Berlin, 2015. – p. 19. (пер. Дагмар Мироновой)

⁶ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – С. 82.

философского сомнения... Усомниться в критике метафизики для философии равносильно тому, чтобы усомниться в акте (и факте) собственного мышления...»⁷ [5].

Указанные сложности в понимании сущности метафизики порождают и известный тренд на объявление её излишним знанием, якобы мешающим развитию философии как науки. «Метафизика как излишнее знание» является одной из самых обсуждаемых тем, когда звучат требования либо резкого ограничения места метафизики в философии, либо полного отказа ей в праве на существование как особого типа знания и мышления⁸ [6]. Очень часто интеллектуальные «похороны» метафизики связывают с фигурой И. Канта. Это глубоко неверно. Критика Канта была направлена против господствующей догматической метафизики⁹ и, в каком-то смысле, возвращала нас к традиции Аристотеля. Метафизика должна была стать рациональным средством постижения бытия, основанным на знании, но не сводимым к нему. Метафизическим основанием философии является, по Канту, то, что она исследует фундаментальные цели человеческого разума и в этом смысле имеет абсолютную ценность. Но также справедливо, отмечает он, что она не может быть и оторвана от конкретного знания, так как в этом случае перед нами предстанет система догматических, абстрактных построений, далёких от истины. Метафизика исходит из принципиального единства онтологии и гносеологии, то есть строится как знание о первопринципах, как «мета-метафизика», своеобразная метанаука или трансцендентальная философия¹⁰ [9].

Метафизика как учение о первоначалах реконструирует принципы нашего мышления, и проблемным является насколько это осуществимо с помощью разума. «Кант стремился обратиться к самому источнику метафизического познания, который для него олицетворял разум. Поэтому он считал необходимым и оправданным, что разум сам себя может делать предметом собственных исследований и в критике самого себя определять свои

возможности и границы¹¹ [9]. Первопринципы, таким образом, есть определения самого Разума как особой способности, могущей конструировать априорные знания¹² [10].

Мы достаточно подробно остановились на этом, чтобы показать, что именно указанная тонкость рассуждений И. Канта была уловлена М. Хайдеггером. Полемизируя с представителями марбургской школы неокантианства, которые пытались связать философию с точным и математизированным естествознанием (в ряде случаев даже уподобить математике, как Фреге или Рассел) или, если речь шла об этике, с правом (трактуемым как нечто подобное науке в этой сфере), он отмечает, что Кант оказался глубже его интерпретаторов, разводя области философского и научного мышления. Философия есть рефлексия, то есть особое применение разума, в том числе и к анализу самих наук. По сути, речь идет о выявлении гносеологических предпосылок, позволяющих выявить предметную ограниченность той или иной науки в исследовании объекта. Статус «метанаучности» философии здесь проявляется в том, что она исследует сами предпосылки научного знания, что невозможно делать, находясь внутри предметного пространства. Именно поэтому философия, хотя и опирается на знания, к ним не сводима.

Хайдеггер отмечает, что неокантианцы попытались рассмотреть Канта лишь как теоретика физико-математической теории познания: «... что остаётся за философией, если всеобщность сущего поделена между науками? Остаётся только познание науки, но не сущего. Под этим углом зрения произошел возврат к Канту. Кант, следовательно, ими рассматривался как теоретик физико-математической теории познания... Даже Гуссерль между 1900–1910 гг. в определенном смысле впал в объятия неокантианства... Кант же хотел дать не теорию естествознания, но показать проблематику метафизики, а именно онтологии»¹³. Даже гносеологическая программа Канта выходит за рамки чистой гносеологии, так как, обосновывая возможность знания, он осуществляет это с более широких философских позиций. «Критика чистого разума не имеет дела с “теорией познания”. Если вообще можно допустить трактовку онтологии как теории познания, то следовало бы сказать: критика чистого разума является теорией не онтического познания (опыта), а познания онтологического... Введением

⁷ Столярова О. Е. Онтологические основания критики метафизики и возвращение метафизики // The Digital Scholar: Лаборатория философа – Ежеквартальный научно-теоретический журнал. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 118.

⁸ Автору приходилось неоднократно писать об этом. Мионов В. В. Оправдание метафизики // Сущность и слово. – М.: «Феноменология-Герменевтика», 2009. – С. 4–33.; Мионов В. В. Предметное самоопределение философии // Метафизика. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 7–30.

⁹ Как известно, догматическая метафизика разделялась на общую метафизику (онтологию) и специальную метафизику (теологию). Кроме того, она включала в себя психологию (или философскую антропологию), космологию и рациональную теологию (учение о Боге как Абсолюте).

¹⁰ Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2006. – С. 132.

¹¹ Там же.

¹² Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в шести томах. Том 3. – М.: «Мысль», 1964. – С. 120.

¹³ Davoser Disputation zwischen Ernst Cassirer und Martin Heidegger // M. Heidegger. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Bd. 3. Kant und das Problem der Metaphysik. Vittorio Klostermann. Frankfurt a. – M., 1991. – pp. 274–275 (пер. Дагмар Мироновой)

проблемы трансценденции на место метафизики ставится не “теория познания”, а онтология, у которой спрашивают о её внутренних возможностях¹⁴.

Иначе говоря, Хайдеггер находит у Канта скрытый «онтологический проект». «Из истолкования Хайдеггера следует, что всякое познание является онтологическим или онтологией опосредованным, благодаря чему сущее, по словам Хайдеггера, явлено как сущее. То есть познание без метафизики невозможно»¹⁵ [11]. Правда, автор приведенной цитаты и ряд других исследователей считают, что это была излишне свободная интерпретация, которая не вытекает из самой предлагаемой Кантом модели трансцендентальной философии и даже противоречит ей. «Хайдеггер явно перетолковывает Канта, когда повествует не о том, что действительно, реально *говорит* Кант, а о том, что он якобы “*хочет сказать*”»¹⁶ [12]. Тем не менее, установка Хайдеггера на «онтологическую» интерпретацию Канта имеет право на существование. Не случайно Н.В. Мотрошилова, занимая критическую позицию, говоря о том, что Хайдеггер приписывает Канту «онтологические замыслы»¹⁷ [12], допускает, что «онтологические повороты и решения (в духе более поздней, в том числе хайдеггеровской философии) каким-то непрямым образом могут вытекать из формул Канта»¹⁸ [12].

Вот эта последняя ремарка «**непрямым образом**» очень существенна, ибо она отражает тот факт, что философия есть развивающееся знание, а поскольку основанием для ее развития являются тексты и смыслы, то всегда будет оставаться и момент реализации такого развития в форме новой интерпретации. В философии текст не является неким навсегда застывшим образованием. Любой философский текст подвергается и будет подвергаться интерпретациям, такова природа философии, обеспечивающая своеобразную «миграцию» ее проблем от эпохи к эпохе, в том числе и в зависимости от из-

меняющихся социокультурных обстоятельств. Философия представляет собой особое вневременное смысловое пространство, в рамках которого мыслители разных времён продолжают вести диалог, а такой вневременной диалог увеличивает массив интерпретации идей, если конечно, мы не рассматриваем историю философии как «скитание среди могил»¹⁹ [13]. В этом состоит особенность истории философии, в отличие от истории иных дисциплин, где последующая ступень развивающегося знания как бы «поглощает» или отбрасывает те истины, которые были открыты ранее²⁰. История философии это не «*то, что прошло и исчезло*», – пишет Гегель. – «Содержание этой истории представляет собою научные продукты разума, а последние не суть нечто преходящее. Добытое на этом поприще есть истина, а последняя вечна – не есть нечто такое, что существовало одно время и перестало существовать в другое; она истинна не только сегодня или завтра, а вне всякого времени; поскольку же она во времени, она всегда и во всякое время истинна»²¹ [4]. Таким образом, философия есть, прежде всего, само мышление или процесс философствования, продуктом которой выступает мысль как таковая, а не просто совокупность отдельных знаний или отдельных философских систем. Философия не есть, «многоучённость» как «познание умершего, похороненного и истлевшего. История философии имеет своим предметом нестаряющееся, продолжающее свою жизнь»²² [4]. Именно в силу этой особенности философия реагирует на научные открытия, часто интегрируя их в ту или иную новую философскую систему, лишь расширяя или уточняя сам факт понимания предельных вопросов, которые человек продолжает ставить по поводу бытия как такового, которое сегодня переосмысливается, например, в связи с проблемой дигитальности, которые также во многом обсуждаются в рамках метафизики²³ [14].

Попытка буквального следования за историей философии при ее абсолютизации может вытес-

¹⁴ Ibid. – р. 17. (пер. Дагмар Мироновой)

¹⁵ Гиренок Ф.И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 88.

¹⁶ Мотрошилова Н. В. Мартин Хайдеггер: пути перетолкования Канта и проблема бытия // Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: бытие–время–любовь. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – С. 380.

«Как бы чувствуя, что “ясно” не стало и что получается как-то не по-кантовски, Хайдеггер вынужден задать вопрос, возвращающий к тексту Канта: “Почему же это обоснование становится «критикой чистого разума?»» <...> Заранее скажу: хайдеггеровские ответы на него и по форме, и по содержанию становятся таким “обращением к Канту”, тип которого ясен из следующего изречения Хайдеггера: “Кант проясняет возможности онтологии в вопросе: «Как возможны синтетические суждения a priori?»”. Смысл же черным по белому зафиксированных замыслов Канта вел к ровно противоположному результату, вплоть до совета снять “тордое имя онтологии”». (Там же. С. 380).

¹⁷ Там же. – С. 381.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Цит. по: Гурина М. Философия. – М.: Республика, 1998. – С. 131.

²⁰ Любопытно, что непонимание этой значимости истории философии проявилось в наше время, когда в рамках реформирования специальностей ВАК, едва не было упразднено направление «история философии» на основании того, что история науки должно включаться в сам предмет науки. И автор статьи, вместе со своими коллегами академиками В.С. Степным и А.А. Гусейновым доказывали чиновникам, что в философии ее история имеет совсем иной смысл.

²¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – С. 99.

²² Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – С. 99–100.

²³ Миронов В. В., Сокулер З. А. Тоска по истинному бытию в дигитальной культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2018. – № 1. – С. 3–22.

нить саму философскую рефлексивную, творческую работу разума, и тогда нам ничего не остается, как вечно пребывать в смысловом пространстве комментариев к Платону, по поводу чего иронизировал Уайтхед. Поэтому важно, чтобы в ней всегда присутствовал смысловой стержень, которым и выступает метафизика. Именно в рамках общей метафизической проблематики происходит столкновение противоречащих концепций как различных интерпретаций, в том числе мыслей того или иного автора, и результатом этого отнюдь не выступает отбрасывание одной из них по закону исключенного третьего. Более того, наличие жестко конкурирующих теоретических альтернатив – это устойчивое состояние философии, свидетельствующее о ее жизнеспособности в ту или иную историческую эпоху.

Таким образом, метафизика как концептуальная схема – это не исторический феномен периода становления философии, а её смыслообразующий стержень, который не может быть отброшен в принципе. И именно И. Кант попытался представить философию как совокупность смысловых проблемных уровней, связанных в единое целое метафизической проблематикой, пронизывающей философию и выраженной им в знаменитых четырех вопросах, которые, по сути, задают границы её смыслового пространства.

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

На первый вопрос отвечает *метафизика*, на второй – *мораль*, на третий – *религия* и на четвертый – *антропология*²⁴ [15]. И далее Кант замечает, что первые три вопроса сводятся к антропологии. На основании последней ремарки, иногда делают вывод о том, что метафизика отражает лишь некую исковую точку философии, которая как бы «запускает» сам механизм метафизического подхода, который на современном уровне развития философии реализуется как философская антропология. В этом смысле понимание метафизики у Канта и Хайдеггера различное. У Канта метафизика – «наука о внутренних принципах выбора между различными целями, то есть наука о человеке. У хайдеггеровского Dasein нет внутреннего, у Хайдеггера онтология – наука о бытии»²⁵ [11]. Иначе говоря, у Канта, человек – это своеобразная метафизическая цель, и философия, в конечном счете, направлена к реальному человеку, помогая ему преодолевать проблему осознания собственной конечности, тогда как Хайдеггер «вопрос о человеке и его внутренней природе...

подменяет вопросом о конечности в человеке»²⁶ [11]. Получается, что у Канта антропология – некая вершина или завершение философии, а Хайдеггер, напротив, возвращается к бытию и метафизике, рассматривая и человека как некую структуру бытия. Поэтому, по мнению Хайдеггера, субъективная сущность человека, в силу конечности человека как существа, не столь интересна для философии, и центральным остается вопрос бытия, то есть уровень онтологии.

Однако нам кажется, что Хайдеггер здесь вовсе не выступает против антропологии, принижая ее, он просто заостряет то обстоятельство, что без метафизики и выявления онтологического статуса человека мы не сможем *философски* объяснить его сущность и неизбежно будем сводить её к личностным восприятиям и переживаниям. Именно метафизика лежит в основе решения моральных, религиозных и антропологических проблем, которые в отрыве от неё будут порождать лишь мнимые ответы. В такой конфигурации философия, отмечал Кант, и выступает как философская мудрость, в отличие от «школярской философии» как одного из общеобразовательных предметов. Философ, стремящийся к такой мудрости, должен постигать то, насколько знание может способствовать достижению высших целей Человека и Человечества. «По мировому же понятию (Weltbegriff) она есть наука о последних целях человеческого разума. Это высокое понятие сообщает философии достоинство, т.е. абсолютную ценность»²⁷ [15].

Таким образом, никакого отказа от метафизики у Канта нет, а есть её обоснование и развитие. Философия как мудрость, основанная на метафизической рефлексии над бытием и уровнями этого бытия, поэтому и выступает в качестве «самосознания эпохи и культуры» (К. Маркс). Общим для такого самосознания остается единая проблематика, которая базируется на исследовании фундаментальных, предельных основ бытия и человека, преломленных через сознание индивида. Философия в такой трактовке выступает как знание о предельных взаимоотношениях (закономерностях), которые существуют между миром и человеком на всех уровнях бытия. Соответственно, если мы таким образом понимаем сущность философии, то необходимо заниматься не просто «философствованием» по поводу чего-угодно, а устанавливать то общее, что имеется в разнообразных философских системах, относя их тем самым к общему и единому мыслительному подходу²⁸ [16]. Именно это единство формирует

²⁶ Там же. – С. 93.

²⁷ Кант И. Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980. – С. 332.

²⁸ Вильгельм Дильтей. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. – М.: «Территория будущего», 2006. – 440 с.

²⁴ Кант И. Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980. – С. 332.

²⁵ Гиренок Ф. И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 88.

своеобразный «квазиэмпирический» базис философии, в который включается философски проинтерпретированный опыт постижения самых различных сфер бытия, от обыденного сознания до науки, искусства и религии. Философия выступает как своеобразный смысловой стержень культуры, что придаёт ей действительно универсальный характер, так как опирается на связь всех форм сознания, решая общую предельную, а значит метафизическую задачу объяснения сущности бытия в целом. «Этому соответствует стремление объединить разрозненное, создать связь и распространить ее, не считаясь с границами отдельных наук»²⁹.

Эту метафизическую линию кантовской философии и улавливает М. Хайдеггер, конечно, перенося данную трактовку в иные социокультурные условия. Он усматривает сущность философии в особом созерцании, которое является предпосылкой мышления и посредством которого мы можем уловить особенности мира, чтобы затем мыслить о нем. Такое созерцание, конечно, связано с рассудком, повторяет Хайдеггер вслед за Кантом, «но необходимая принадлежность чувственности и рассудка к сущностному единству конечного познания не исключает, а предполагает наличие иерархичности в структурированном основании мышления, которое зиждется на созерцании как ведущем представлении. Именно эту иерархию нельзя упускать из вида, учитывая взаимную принадлежность чувственности и рассудка, как обладающую обратной связью – она не сводима к индифферентной корреляции формы и содержания»³⁰. Таким образом, считает Хайдеггер, Кант расчистил место для современной философии, то есть экзистенциальной метафизики. В некотором смысле, М. Хайдеггер встаёт на защиту метафизики так же, как в своё время это делает Кант, но в иных социокультурных обстоятельствах, – когда складывается очередное «наступление» на философию, трактуемую как метафизическое знание.

Таким образом, перед нами, конечно, свободная интерпретация, но вполне естественная для философского творчества и допускающая отличия в понимании некоторых выводов. Кант вёл полемику с философами, в представлении которых философия была мыслительной сферой, оторванной от конкретно-научного знания. Хайдеггер пытается обосновать тезис, что философия, стоящая на позициях метафизики, принципиально отлична от науки, но не в смысле противоречия с ней. Это просто совершенно иная сфера мышления, что

вовсе не означает ненужности или бессмысленности философии. Хайдеггер был не одинок в таком понимании философии, оно буквально «впитано» в воздухе. Например, близкий к нему в ранний период К. Ясперс, также говорит об этом и настаивает на отмежевании философии от науки: «Философское мышление по своему смыслу радикально отличается от научного»³¹. Более того, сам факт такого противопоставления является выражением сути философского мышления, отражая опору на разные ценностные установки. В науке в качестве высшей выступает познавательная ценность, тогда как в философии эта установка не является доминирующей и может отступать на второй план. Именно поэтому философия не может подражать науке в своем строении. Она – совершенно иной способ постижения бытия. Примером последнего служит тот факт, пишет Ясперс, что логическое доказательство, признающееся своеобразным эталоном доказательств, не всегда применимо в философском мышлении. Более того, те формы рассуждения, которые в логике считаются ошибочными, а именно «противоречия, круг, тавтология... выступают как признаки различия между философским и научным мышлением»³². Если в науках мышление является средством получения знаний и с их помощью овладения предметным миром, то философия есть мышление в чистом виде, которое не может быть сведено к истинам предметного знания. «Нельзя не признать: в философии нет единогласия относительно окончательного познания. То, что по убедительным причинам всеми признается, становясь благодаря этому научным знанием, уже не философия... То, что любой образ философии... не пользуется единогласным признанием всех, вытекает из природы ее дел»³³.

Метафизика – это особый тип постижения бытия, который скорее должен быть «очищен» от нацеленности только на науку, сведённую к суженным формам понимания рациональности. Метафизичность как характеристика философского мышления не просто этап, характеризующий некий период её развития, уходящий в прошлое, а особый способ рефлексии над бытием. Даже «преодоленная метафизика не улечивается. Она возвращается видоизмененной назад и остается у власти в качестве продолжающего править отличия бытия от сущего»³⁴ [17]. Поэтому Канта незаслуженно упрекают в том, что он заложил традицию сведения фи-

³¹ Jaspers K. Philosophische Autobiographie // K. Jaspers. Stuttgart. – 1957. – pp. 27–28.

³² Jaspers K. Die großen Philosophen. Bd.1. München, Piper. – 1957. – p. 450.

³³ Jaspers K. Einführung in die Philosophie. München. – 1971. – pp. 9–10.

³⁴ Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Библина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – С. 231.

²⁹ Вильгельм Дильтей. Сущность философии. – М., 2001. – С. 19.

³⁰ Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik // M. Heidegger. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Bd. 3. Kant und das Problem der Metaphysik. Vittorio Klostermann. Frankfurt a. – М., 1991. – p. 35–36. (пер. Дагмар Мироновой).

лософии к теории познания. Он предложил **иную** метафизическую модель – трансцендентальную философию. «Поскольку истина становится достоверностью и собственной сущностью (ουσία) сущего превращается в предстояние перед perceptio, восприятием, и cogitatio, со-ображением представляющего сознания, т.е. знания, — постольку знание и познание выдвигаются на передний план. “Теория познания” и то, что таковой считается, есть в своей основе метафизика и онтология, стоящая на истине как на достоверности устанавливающе-обеспечивающего представления»³⁵ [17, 234]. Метафизика преодолевается лишь как некий конкретно-исторический вариант её развития. Преодоление – это только ступень развития метафизики как сущностной характеристики философии, и она не может никуда исчезнуть.

В этом смысле, наукам «проще»: они исследуют явленную нам (для нас) предметную сущность, а значит, и истина, которую они достигают, носит предметный характер. Науки дают нам опредмеченное описание мира. Центральной ценностной установкой в них выступает положение о том, что мир можно постичь полностью рационально-теоретически, с помощью конкретно-научных методик. Такое познание мира возможно, пишет Хайдеггер, но оно изначально выявляет лишь отдельные стороны бытия. Это проявляется в понятийном аппарате каждой из наук, отличие которого от других аппаратов как раз и связано с описанием разных предметных областей. Познание такой опредмеченной сущности позволяет говорить о «точности», но точности в рамках предмета. Физика точна *до* выражения физических законов, математика *до* возможности выявления количественных отношений, социология – *до* выделения законов того или иного социума. В философии подобного предела точности существовать не может. Она в принципе «не точна» или её точность иного рода и представляет собой рефлексю и саморефлексю мыслителя над проблемами бытия. Достижение выделенной сущности – это ценностная установка науки, которая принуждает человека подчинить его мышление принципам предметного исследования. В то же время ясно, что понимание мира как такового нельзя ограничить лишь предметным исследованием. В этом случае слишком многое остается «за бортом» постижения бытия, которое богаче его рационально-теоретической интерпретации. Науки, с одной стороны, конструируют локальные картины мира, и даже совокупность таких картин всегда будет неполной и не сущностной характеристикой бытия. В то же время сама возможность сделать объектом исследования всё что-угодно – от мельчайшей пылинки до сознания человека и понимания космоса – поро-

ждает своеобразный научный экстремизм в виде уверенности в том, что наука может познать всё. И тогда предметная локальность интерпретации мира становится условием сциентистского описания бытия. Именно установка познать «что угодно и насколько угодно» вкупе с беспредельностью ее реализации выдают ограниченность науки, не позволяющую ей познать бытие как таковое. Таким образом, утверждает Хайдеггер, бытие средствами науки познать нельзя, его можно постичь с помощью философского мышления (размышления), которое именно в этом смысле, то есть в его отдалённости от предметности, и может выступить как мышление истинное.

Философия мыслит о смысле и сущности бытия, и истина бытия не связана с ее практическим использованием. Это сближает философское мышление с поэзией и словом вообще. «Становление философии представляет собой терминологическое оттачивание значения слов, придания им более определённых значений и превращение, тем самым, в систему философских понятий и категорий»³⁶ [18]. И это во многом определяет личностность философского постижения бытия, ибо человек, оперирующий словами, оттачивающий или придающий им те или иные значения, является существом уникальным. Постигая смысл бытия, философ самоосуществляется в нем. В центре философского размышления лежит диалог как рефлексивный обмен смыслами. Философски мыслящий человек должен не отворачиваться от бытия при помощи предметного ограничения, а напротив, повернуться к нему лицом и слушать его зов, постигать его тайны, которые современный мир науки и техники все больше закрывает от нас. При этом вслушивающегося в «зов бытия» совсем не должен смущать тот факт, что он может ослышаться. Здесь нет готовых истин, а есть лишь постижение смысла. Смысл бытия можно понять, если станет понятным бытие сущего и нас, постигающих смысл бытия. И именно это лежит в основе понимания подлинной сущности человека. Человек представляет собой особую сущность, но определяемую бытием. В противовес утверждению о том, что: «Человек не привратник бытия. Бытие ничего не значит без воображающего понимания человека. Поэтому философия отказывается от бытия в пользу субъективности, заменяя опыт – воображением, идею конечности человека – идеей его невозможности»³⁷ [11], мы считаем, что сущность человека пронизана бытийностью и функция привратника лишь отражает факт открытости бытия для его философского истолкования, позволяющего говорить о бытии «на равных», ибо

³⁵ Там же. – С. 234.

³⁶ Миронов В.В. Философия и слово (или еще раз о специфике философии) // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 20.

³⁷ Гиренок Ф.И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 96.

благодаря наличию разума, сознание человека онтологически может быть приравнено к бытию. Человек является сущим, так ставит вопрос о смысле своего бытия, а ему противопоставит бытие как таковое или «здесь-бытие» (*Dasein*), то есть наличное бытие.

Человек спрашивает о смысле бытия и не может быть редуцирован к объекту, подобному иным объектам. Благодаря метафизической рефлексии мы можем выходить за пределы предметности, точнее, мыслить свободно и без каких-либо ограничений. «Метафизика – это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое и в целом»³⁸ [17]; это «перешагивание за сущее в целом: трансценденция»³⁹ [17]. Она исследует беспредельное, запредельное, надпредметное и т. д. Это некое проявление желания человеческого мышления – выходить за пределы предметного мышления, составляющего суть его экзистенции. «Она не есть ни раздел школьной философии, ни область прихотливых интуиций. Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие»⁴⁰ [17]. Поэтому философию нельзя просто выучить как некий образовательный предмет, в философию можно лишь погрузиться. При этом, в отличие от освоения предметных дисциплин, нет никакой гарантии, что вам это удастся и, опираясь на предшествующее знание, вы сможете завершить такое образование полностью. Философия не относится к типу завершённого знания и «философское мышление каждый раз должно начинаться с самого начала. Каждый человек должен осуществлять его самостоятельно»⁴¹ [19].

В этом смысле философия (уже представляю себе недовольство многих своих коллег, вызванное таким утверждением) не есть наука, подобная другим или стоящая в одном ряду с ними. А если и наука, то иного типа, наука, которая не может строиться по критериям, характерным для частных наук. Говоря так, мы вовсе не отсекаем философию от магистрального пути познания, но выявляем особый тип мышления, в котором истина может быть выражена не только рационально-теоретическим способом, но и, например, эмоционально. Она может быть зафиксирована не только в рамках рационально-теоретического рассуждения, но и поэтическим языком. Так же, как мы принимаем право поэта видеть мир сквозь воспринимаемую им гармонию ритма, которая ему в наибольшей степени доступ-

на, или художника, который улавливает гармонию цвета, философ может улавливать гармонию разума, несводимую к физической или биологической закономерностям. Если же философия конструируется по образцу конкретной науки, то есть заведомо опредмеченного, а значит, ограниченного знания, то философы, отмечает М. Хайдеггер, лишь подражают учёным, и метафизика «становится погоней за науками («*Hinter-den-Wissenschaften-Herlaufen*»), заимствованием сущего в форме предметности, которая закрепляет обычное представление во всех областях и выделяет как культурные сферы»⁴² [20].

Имитация философией науки проявляется, в частности, в её разделении на отдельные дисциплины, что, конечно, может быть удобно для преподавания «школярской», по выражению Канта, философии. Абсолютизация такого понимания происходит, когда философ отказывается обсуждать общие проблемы, мотивируя это тем, что он специалист в какой-то «отдельной» философской дисциплине, с позиции понимания сущности философии «вызывает только отвращение»⁴³ [20]. Философ не может исследовать проблемы этики или эстетики в отрыве от метафизических вопросов: о том, как устроено бытие, каковы возможности и условия его познания, – ибо при таком отрыве это будут лишь частные мнения. Дифференциация дисциплин в философии приводит к серьезным методологическим ошибкам, когда общее фундаментальное решение проблемы подменяется ее дисциплинарной интерпретацией, часть выдается за целое, а сам философ замыкается в узком кругу конкретного философского предмета. В этом случае решение этических или эстетических проблем, становясь специфицированным знанием, теряет свою метафизическую сущность.

Попытки построения философии по научным лекалам могут превратить её в форму идеологии, ибо возникает соблазн выставить отдельную новейшую систему в качестве единственно научной. В науках, как мы отметили, такое происходит, когда последняя по времени теория может считаться более истинной, но там эта проблема снимается неизбежным развитием, а, в конечном счете, преодолением и данной новой теории. В философии, истины которой не сводимы к обоснованиям конкретно-научного плана, в которой важное место занимают ценностные позиции и выводы, происходит абсолютизация такой системы. Так было, например, с диалектическим материализмом. В результате, вполне достойная философская концепция, которая позволяла многое объяснять, в том числе как адекватная система по отношению к наукам, на определённом этапе стала частью идеологии со всеми вытекающими из

³⁸ Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Библина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – С. 39.

³⁹ Там же. – С. 38.

⁴⁰ Там же. – С. 42.

⁴¹ Ясперс К. Введение в философию. – Минск, 2000. – С. 11.

⁴² Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – С. 199.

⁴³ Там же.

этого обстоятельствами. Такая позиция разрушает, может быть, главное представление о сущности философии как незавершённом типе знания, в котором сам фактор завершения, означает смерть философии. Именно завершённая форма философии является удобной почвой для идеологии, как формы «иллюзорного сознания». Философия, в отличие от идеологии, не предлагает окончательных решений, а приобщает к бесконечному и вечному; не даёт успокоения, но всегда приглашает к размышлению. Человек живёт и переживает мир, выносит оценочные суждения, рефлексивует над собственной сущностью. «Философия» никогда не унизится до задачи или претензии на то, что нужно, мол, создать «мировоззрение», а господствующее надо «обосновать» и «сформулировать»⁴⁴ [21]. Философское обоснование мировоззрения – это построение идеологии как системы «политико-мировоззренческих инструментов»⁴⁵ [21]. Такое мировоззрение всегда претендует быть чем-то законченным, тогда как философия – незавершённое знание, а значит, остаётся за пределами «творящего мышления». «Вот почему философия никогда не может быть “мировоззрением”, как и не вправе даже думать о том, чтобы занять его место; ведь философия не может даже определить то или иное мировоззрение как таковое – но должна лишь терпеть то, что ею пользуются – или же ее обделяют. Так называемые теоретические обоснования мировоззрений всегда являются поэтому своеобразной смесью полуфилософии и полунауки»⁴⁶ [21].

Философы, которые ставят задачей формирование у своих учеников мировоззрения, не являются философами в истинном смысле этого слова, а в лучшем случае оказываются «учителями мировоззрения» или «мировоззренческими писателями», для которых философия скорее опасна, чем полезна⁴⁷ [21]. Именно начало использования философии для «фундаментализации» какого-то избранного мировоззрения выступает признаком её идеологичности. «Так называемые теоретические обоснования мировоззрений всегда являются поэтому своеобразной смесью полуфилософии и полунауки. Тут не хватает и серьёзности мышления, и строгости исследования. Оба они заранее замещаются стремлением к непосредственному внедрению «мировоззрения»⁴⁸ [21]. Философия, которая претендует на роль мировоззрения, «открыто или скрытно стремящаяся приобрести политическую

значимость и “мировоззренческое” значение, только *называет* себя “философией” и отделена безднами от того, что это имя скорее скрывает, чем раскрывает»⁴⁹ [21].

Удивительно, грустно и поучительно, что эти размышления Хайдеггера датируются периодом 1934–1935 года – периодом его ректорства, когда в реальной жизни, а не внутри собственных рефлексий он поступал прямо противоположным образом, выступал именно с позиции идеолога, а не философа⁵⁰ [22, 23].

Таким образом, философия, будучи метафизической рефлексией, противостоит как науке, так и идеологии. Но данное противопоставление – это своеобразная дихотомия культуры, в которой противоположные стороны неизбежны и всегда остаются, подразумевая друг друга и в каком-то смысле корректируя абсолютизации в ту или иную сторону дихотомии. «Соперничество философии и “мировоззрения” есть на глубоком уровне их взаимная сплочённость при условии, что оба они не искажают свою сущность извращёнными целеполаганиями»⁵¹ [21]. Иначе говоря, то, что мы называем философским мировоззрением, это не просто соединение двух отношений к миру и сущности, а противоречивое единство философии как проникновения в сущность бытия и разнообразных воззрений на мир. В этом смысле, можно говорить о философском мировоззрении как его наиболее развитой форме, когда разнообразие воззрений упорядочивается на основе постижения сущности.

Метафизика не противоречит задаче понимания сущности человека и решению антропологических задач. Она, напротив, отражает экзистенциальную сущность человека, погружённого в бытие, заброшенного в этот мир, по выражению К. Ясперса. Она – само бытие, преломленное в сознании человека. Таким образом, человек претендует – и, как показывает история, ему это удаётся, – силою своего разума объединить задачу постижения сущего, которое неизмеримо, с масштабом отдельного человека. Отсюда возможные риски и заблуждения, но иного пути просто не существует, и философ не может здесь отгородиться от проблем ссылкой на иную предметную область. Философия – это работа мысли на пределе. «Философия есть приведение в движение метафизики, в которой философия приходит к самой себе и к своим настоящим задачам. А философия приходит в движение только благодаря

⁴⁴ Хайдеггер М. Размышления II–VI (Чёрные тетради 1931–1938). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 326.

⁴⁵ См.: там же. – С. 223.

⁴⁶ Там же. – С. 249.

⁴⁷ Там же. – С. 326.

⁴⁸ Там же. – С. 308.

⁴⁹ Хайдеггер М. Размышления II–VI (Чёрные тетради 1931–1938). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 348.

⁵⁰ Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. – 2016. – № 7. – С. 21–38; Владимир Миронов, Дагмар Миронова. Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью // Логос. – 2018. – Том 28. – № 3. – С. 149–182.

⁵¹ Там же. – С. 326.

своеобразному скачку, в котором наша собственная экзистенция посвящается сущностным возможностям человеческого бытия в целом»⁵² [17].

Таким образом, метафизика представляет собой своеобразный стержень философии, на котором располагаются и от которого не могут полностью оторваться её отдельные дисциплины. «Поскольку метафизика расследует сущее как сущее, она остается при сущем и не обращается к бытию как бытию. Как корень дерева, она посылает все соки и силы в ствол и его ветви. Корень разветвляется в основе и почве, чтобы дерево ради своего роста могло из него подняться и тем самым его оставить. Дерево философии вырастает из корневой почвы метафизики»⁵³ [17]. Философ, который отказывается от метафизичности в своих размышлениях, заведомо обречён на имитацию философского подхода и плетется в хвосте той или иной науки, пытаясь подражать ей, чаще всего на уровне терминологии, которая некритично переносится в философскую сферу. Как правило, для оправдания при этом апеллируют к свободе мышления, свободе философствования. Такое «преодоление метафизики» является лишь внешним и поверхностным. «Пока человек остается разумным существом, animal rationale, он – метафизическое существо, animal metaphysicum. Пока человек понимает себя как разумное существо, метафизика, по слову Канта, принадлежит к природе человека»⁵⁴ [17].

Метафизика исследует человека не только в качестве конкретного существа, но и как своеобразной структуры бытия. А это задает параметры более сложной конструкции онтологии, которую иногда обозначается как «фундаментальная онтология». «Раскрытие бытийной конституции вот-бытия есть онтология. Поскольку в ней должна быть заложена основа возможности метафизики, – фундамент которой суть конечность вот-бытия, – она называется фундаментальной онтологией»⁵⁵ [24]. Онтологическая система всегда есть конструкция или проект. Проектируя, мы постигаем. Но это не просто свободная и анархичная мыслительная конструкция, а та, которая даёт нам понимание бытия. «Каждая фундаментально онтологическая конструкция осуществляет себя в том, что позволяет увидеть её проект, т.е. в том, как она проводит вот-бытие к его открытости и позволяет его внутренней метафизике вот-здесь-быть (da-sein läßt)»⁵⁶ [24]. Такая конструкция как бы обнажа-

ет перед нами внутреннюю сущность бытия. Метафизика позволяет мысли конструировать некий метафизический «перво-факт» и понимать, в чем состоит конечность вот-бытия. «Конечность вот-бытия – понимание бытия – *лежит в забвении*»⁵⁷ [24]. Онтологическая конструкция вырывает из забвения. Поэтому метод такого вырывания – «припоминание» (Wiedererinnerung). Главный (решающий) способ бытия, дающий бытийное понимание человека (вот-бытия) – повседневность. Но это не просто психологическое описание переживаний индивида. Оно важно, но недостаточно. «Экзистенциальная аналитика повседневности не станет описывать, как мы обходимся с ножом и вилкой. Она должна показывать, что и как в основе всякого обхождения с сущим, для которого именно так всё и выглядит, как будто бы дано только лишь сущее, – уже лежит трансценденция вот-бытия – в-мире-бытие»⁵⁸ [24].

Метафизика вот-бытия имеет свою истину, которая всегда сокрыта. Фундаментально-онтологическая аналитика вот-бытия, интерпретируя трансценденцию, признает, что «страх» есть фундаментальная настроенность на понимание бытия. Страх порождает необходимость «заботиться», и это – первая стадия фундаментальной онтологии. Вот-бытие временно, или есть временность, но не в обыденном понимании. Временность – это смысл бытия сущего, это горизонт понимания бытия⁵⁹. Бытие является постижимым только относительно времени, поэтому его нельзя исследовать изолированно от него. Важно выявить бытие во времени – как присутствующее бытие. Поэтому временность – основная проблема фундаментальной онтологии. Ключом к решению её становится экзистенциальная интерпретация совести, долга и смерти. Поэтому «метафизика есть не то, что человеком только «создается» в системах и учениях, но – бытийное понимание, его проект и его отказ, *свершающееся* в вот-бытии как таковом»⁶⁰ [24].

Это заставляет нас корректировать метод онтологии как метод мышления. Поскольку вещи необходимо исследовать сами по себе, то есть как феномены, то одним из таких философских методов выступает феноменология. Феномен – это само себя показывающее бытие, то есть очевидное для нас сущее. Это – прямое понимание предметов, которое, в конечном счете, показывает бытие сущего. Феномен и есть то, что составляет бытие. Поэтому сов-

⁵² Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Библихина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – С. 42.

⁵³ Там же. – С. 47.

⁵⁴ Там же. – С. 48.

⁵⁵ Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. – Минск, 1997. – С. 190.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. – С. 190.

⁵⁸ Там же. – С. 191.

⁵⁹ Хайдеггер М. Двойная задача в разработке вопроса о бытии. Метод и план исследования // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 4. – С. 20.

⁶⁰ Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. – Минск, 1997. – С. 196.

ременная онтология «возможна лишь как предметно-содержательная феноменология»⁶¹. Она решает вопрос о смысле бытия вообще. А феноменология в таком понимании – как истолковывающая феномены бытия – необходимо связана с интерпретацией, то есть одновременно она выступает и как герменевтика, которая разрабатывает условия «возможности каждого онтологического исследования»⁶².

Таким образом, Хайдеггер конструирует синтетическое понимание философии, в центре которой находится метафизическое знание, направленное на исследование бытия и человека, осуществляемое феноменологическими и герменевтическими методами и могущее быть реализовано как экзистенциальная метафизика.

Мысли Хайдеггера приобретают актуальность в связи с взрывным этапом развития наших пред-

ставлений о сознании, становлением глобального коммуникационного пространства и, по сути, возникновением совершенно новых представлений о мире, порожденных развитием виртуального пространства и проникновением во все структуры общества цифровых технологий, которые ошутимо изменяют наше бытие. Встаёт проблема переосмысления многих онтологических проблем, то есть в буквальном смысле «возвращает» нас к изначальным вопросам, которые были поставлены еще Парменидом. Точнее это не возвращение метафизики, ибо, несмотря на регулярно организуемые пышные похороны, она никуда не исчезала из философии, а просто очередной акт признания её необходимости. Метафизика оказывается затребованной именно как предельный способ постижения предельных аспектов бытия, а это связано с наиболее абстрактной и глубокой формой рефлексии, результатом которой становится выработка определенной культуры мышления в исследовании новейших достижений научной мысли.

⁶¹ Хайдеггер М. Двойная задача в разработке вопроса о бытии. Метод и план исследования // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 4. – С. 38.

⁶² Там же. – С. 40.

Литература

1. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Карл Ясперс. Смысл и назначение истории. – М.: «Политиздат», 1991. – С. 28–98.
2. Платон. Апология Сократа // Платон. Избранные диалоги. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. – С. 274–306.
3. Доброхотов А. Л. Возвращение метафизики, или какие действительные успехи сделала метафизика со времён Парменида // Александр Доброхотов. Избранное. «Территория будущего». – М., 2008. – С. 199–214.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – 480 с.
5. Столярова О. Е. Онтологические основания критики метафизики и возвращение метафизики // The Digital Scholar: Лаборатория философа – Ежеквартальный научно-теоретический журнал. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 106–120.
6. Миронов В. В. Оправдание метафизики // Сущность и слово. – М.: «Феноменология-Герменевтика», 2009. – С. 4–33.
7. Миронов В. В. Предметное самоопределение философии // Метафизика. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 7–30.
8. Миронов В. В. Метафизическая сущность и двойственная природа философии // Вестник МГТУ. – 2008. – Том 11. – № 4. – С. 657–675.
9. Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2006. – 448 с.
10. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в шести томах. Том 3. – М.: «Мысль», 1964. – 799 с.
11. Гиренок Ф. И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 86–97.
12. Мотрошилова Н. В. Мартин Хайдеггер: пути перетолкования Канта и проблема бытия // Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие-время-любовь. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – 544 с.
13. Гурина М. Философия. – М.: Республика, 1998. – 540 с.
14. Миронов В. В., Сокулер З. А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2018. – № 1. – С. 3–22.
15. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980. – 711 с.
16. Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. – М.: «Территория будущего», 2006. – 440 с.
17. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В. В. Библихина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – 288 с.
18. Миронов В. В. Философия и слово (или еще раз о специфике философии) // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 14–27.

19. Ясперс К. Введение в философию. – Минск: «Пропилей», 2000. – 192 с.
20. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
21. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 584 с.
22. Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. – 2016. – № 7. – С. 21–38.
23. Владимир Миронов, Дагмар Миронова. Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью // Логос. – 2018. – Том 28. – № 3. – С. 149–182.
24. Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. – Минск, 1997. – 199 с.
25. Хайдеггер М. Двойная задача в разработке вопроса о бытии. Метод и план исследования // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 4. – С. 17–42.

References

1. Jaspers, K. (1991) [Origins of history and its purpose]. *Smyslinaznacheniyestorii* [The meaning and purpose of the story]. Moscow. Politizdat, pp. 28–98. (In Russ.)
2. Plato (1965) *Apologiya Sokrata* [Apology of Socrates]. Moscow: Publishing house “Fiction”, pp. 274–306. (In Russ.)
3. Dobrokhotoy, A.L. (2008) *Vozvrashcheniye metafiziki, ili kakiye deystvitel'nyye uspekhi sdelala metafizika so vremem Parmenida* [Return of metaphysics, or what real progress has been made by metaphysics since the times of Parmenides]. Moscow, pp. 199–214. (In Russ.)
4. Hegel, G.V.F. (1993) *Lektsii po istorii filosofii. Knigapervaya*. [Lectures on the history of philosophy. Book One]. Saint Petersburg, 480 p. (In Russ.)
5. Stolyarova, O.E. (2018) [Ontological foundations of the criticism of metaphysics and the return of metaphysics]. *The Digital Scholar: Laboratoriya filosofa – Yezhekvartal'nyy nauchno-teoreticheski yzhurnal* [The Digital Scholar: Laboratory of the Philosopher – Quarterly Scientific Theoretical Journal]. Vol. 1. Issue 2, pp. 106–120. (In Russ.)
6. Mironov, V.V. (2009) [Justification of metaphysics]. *Sushchnost' I slovo* [Essence and the word]. Moscow: “Phenomenology-Hermeneutics”, pp. 4–33. (In Russ.)
7. Mironov, V.V. (2011) [Subject self-determination of philosophy]. *Metafizika. Nauchnyy zhurnal*. [Metaphysics. Science Magazine]. Vol. 1, pp. 7–30. (In Russ.)
8. Mironov, V.V. (2008) [Metaphysical essence and dual nature of philosophy]. *Vestnik MGTU* [Bulletin of MGTU]. Vol. 11. Issue 4, pp. 657–675. (In Russ.)
9. Hofmeister (2006) *Chto znachit myslit' filosofski* [What it means to think philosophically]. St. Petersburg: Publishing House S.-Pb. Unta, 448 p. (In Russ.)
10. Kant (1964) [Critique of Pure Reason]. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 3.* [Works in six volumes. Volume 3]. Moscow: “Thought”, 799 p. (In Russ.)
11. Girenok, F.I. (2013) [Kant, Heidegroupproblemmetaphysics]. *Vestnik RUDN, seriya Filosofiya*. [Bulletin RUDN, series Philosophy]. Vol. 2, pp. 86–97. (In Russ.)
12. Motroshilova, N.V. (2013) [Martin Heidegger: the ways of reinterpreting Kant and the problem of being]. *Martin Khaydeggeri Khanna Arendt: bytiye–vremya–lyubov'* [Martin Heidegger and Hannah Arendt: being-time-love]. Moscow: Academic Project; Gaudeamus, pp. 544. (In Russ.)
13. Gurina, M. (1998) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Republic, 540 p. (In Russ.)
14. Mironov, V.V., Sokuler, Z.A. (2018) [Tosca on True Being in Digital Culture]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow State University. Ser. 7. Philosophy]. Vol. 1, pp. 3–22. (In Russ.)
15. Kant, I. (1980) *Traktaty I pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow: Publishing house “Science”, 711 p. (In Russ.)
16. Dilthey, W. (2006) *Sushchnost' filosofii. Filosofiya v sistematischeskom izlozhenii* [The essence of philosophy. Philosophy in a systematic presentation]. Moscow: Territory of the Future, 440 p. (In Russ.)
17. Heidegger, M. (2013) What is metaphysics? Moscow: Academic project, 288p. (In Russ.)
18. Mironov, V.V. (2012) [Philosophy and the word (or again about the specifics of philosophy)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. Vol. 1, pp. 14–27. (In Russ.)
19. Jaspers, K. (2000) *Vvedeniye v filosofiyu* [Introduction to philosophy]. “Propiley”, Minsk, 192 p. (In Russ.)
20. Heidegger, M. (2018) *Razmyshleniya VII–XI (Chernyyetetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar, 528 p. (In Russ.)

21. Heidegger, M. (2016) *Razmyshleniya II–VI (Chernyyetetradi 1931–1938)* [Reflections II–VI (Black Notebooks 1931–1938)]. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar, 584 p. (In Russ.)
22. Mironov, V.V., Mironowa, D.W.G. (2016) [Philosopher and Power: the Case of Heidegger]. *Voprosyfilosofii* [Philosophy Issues]. Vol. 7, pp. 21–38. (In Russ.)
23. Vladimir Mironov, Dagmar Mironowa (2018) EinKnabe, derträumt, or intoxication with power. *Logos*. Vol. 28. Issue 3, pp. 149–182. (In Russ.)
24. Heidegger, M. (1997) Metaphysics of being as a fundamental ontology. *Martin Heidegger and the philosophy of the XX century*. Minsk, 199 p. (In Russ.)
25. Heidegger, M.A (1997) [Double task in the development of the question of being. Method and research plan]. *Vestn. Mosk. Un-that. Ser. 7. Philosophia* [Bulletin of Moscow State University. Ser.7. Philosophy]. Vol. 4, pp. 17–42. (In Russ.)

Информация об авторе:

Владимир Васильевич Миронов, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, **ORCID:** 0000-0003-3818-2068, **Scopus Author ID:** 55635457400, **Researcher ID:** P-3786-2016, **Istina Researcher ID (IRID):** 513990, Москва, Россия
e-mail: vlamironov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2019; принята в печать 08.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vladimir Vasilievich Mironov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, **ORCID:** 0000-0003-3818-2068, **Scopus Author ID:** 55635457400, **Researcher ID:** P-3786-2016, **Istina Researcher ID (IRID):** 513990, Moscow, Russia
e-mail: vlamironov@yandex.ru

The paper was submitted: 11.03.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The author has read and approved the final manuscript.